

Глава 1. Находка

— Ты тоже по обмену? — спросил Кевин у Синь Цяньюя. — Из какого университета?

Синь Цяньюй назвал свой вуз — имя, которое в любой компании принесло бы ему похвалу в духе «ого, вот это умник».

Но Кевин лишь снисходительно хмыкнул:

— А, то самое.

Эта короткая фраза, не содержащая ни единого грубого слова, прозвучала как пощёчина.

Су Чжун, сидевший рядом, казалось, не замечал смущения своего спутника.

Сегодня на нём был безупречный костюм-тройка, дополненный гладко зачёсанными назад волосами. Его поразительно красивое лицо, утончённые манеры и безукоризненный стиль — каждая деталь его облика излучала ауру элитарности, заставляя окружающих чувствовать себя ничтожными. И его парень, Синь Цяньюй, не был исключением.

Синь Цяньюй всегда считал, что отношения с Су Чжуном — это его главная в жизни удача.

Это была светлая сторона.

Тёмная же заключалась в том, что так думал не только он один. Почти все вокруг сходились во мнении: это Синь Цяньюю повезло быть с Су Чжуном.

Другими словами, прекрасный цветок угодил в навоз.

За столом, помимо них двоих, сидели коллеги Су Чжуна — все как на подбор «финансовая элита». С этой точки зрения, они действительно имели право смотреть на большинство простых работяг свысока.

Кевин, будучи человеком высокомерным, демонстрировал это снисхождение особенно явно.

Другие вели себя сдержаннее. Женщина по имени Жуйлэй попыталась сгладить неловкость:

— Ну, получается, университет Сяо Юя тоже входит в Лигу Плюща.

Ivy League — так называют союз престижных американских университетов, выпускающих больше всего стипендиатов Родса. В Китае его чаще называют «Чанцинтэн» (Чанцинтэн), но в инвестиционных банках и иностранных компаниях любят смешивать китайский с английским.

Так или иначе, Жуйлэй просто хотела поддержать Синь Цяньюя.

Но Кевин не собирался отступать.

— Жуйлэй, у тебя совсем плохая память, — усмехнулся он. — Кроме Гарварда, Йеля, Принстона и Колумбии, остальные и за Лигу-то не считаются.

Организация, в которой они работали, принимала на работу выпускников исключительно из target school — целевых университетов. Из-за этого в лифтах и курилках они постоянно сталкивались с лучшими из лучших, выпускниками из топ-100 мировых вузов. Однако такая среда не порождала чувства товарищества, а наоборот, создавала причудливую «иерархию

дипломов». Например, те, кто учился в США, свысока смотрели на тех, кто учился в Великобритании; те, в свою очередь, — на выпускников из Гонконга... Внутри американской системы тоже было своё деление: Лига Плюща и все остальные. А в самой Лиге шло разделение на Гарвард с Йелем и прочих... И так далее, барьеры были повсюду.

Су Чжун, полностью поглощённый работой, не замечал этих негласных правил. Конечно, это было связано и с тем, что он сам находился на вершине этой пирамиды. Никто не осмеливался смотреть на него свысока, а он, в свою очередь, никого не презирал. Поэтому для него этой иерархии просто не существовало.

Видя неловкость Синь Цяньюя, мужчина по имени Джонс решил сменить тему:

— Сяо Юй, значит, ты недавно вернулся? Чем сейчас занимаешься?

— Я преподаю английский, — медленно ответил Синь Цяньюй.

Теперь в неловкое положение попал Джонс.

Дело в том, что всего двадцать минут назад он в шутку обронил: «Все неудачники после учёбы за границей возвращаются, чтобы преподавать английский».

Получалось, что он публично унизил Синь Цяньюя.

Джонс пожалел о своих словах и, натянуто улыбнувшись, пробормотал:

— О, это отлично, отлично.

Кевин же вцепился в него мёртвой хваткой.

— Ты же только что говорил совсем другое, а?

— Тебе что, кусок этой прекрасной говядины вагю рот не заткнул? — огрызнулся Джонс, указывая на тарелку.

Затем он виновато улыбнулся Синь Цяньюю. Тот в ответ кивнул: он понимал, что у Джонса не было злых намерений. По-настоящему ядовитым был Кевин.

И всё же на душе у Синь Цяньюя было паршиво.

Его уязвили не слова Кевина, а молчание Су Чжуна.

За всё это время Кевин уже несколько раз успел его уколоть. Даже едва знакомые Жуйлэй и Джонс вступились за него, но Су Чжун, сидевший рядом, не проронил ни слова.

Синь Цяньюй невольно повернулся к нему. Свет хрустальной люстры заливал бесстрастное лицо Су Чжуна, его тонкие, бледные губы едва заметно шевелились, будто он что-то беззвучно повторял. Не будь на нём делового костюма, можно было бы подумать, что это святой монах, погружённый в чтение мантр. Он словно отгородился от мира невидимой стеной.

И тут Синь Цяньюй всё понял. Су Чжун молчал, потому что попросту не слышал их разговора. Кевин, вероятно, тоже это заметил и потому вёл себя так нагло.

Все, кто хорошо знал Су Чжуна, понимали: сейчас он производит вычисления. Что именно он считал, было известно лишь ему одному. Возможно, анализировал сегодняшние сделки,

перепроверял принятые решения или искал ошибку в недавно построенной модели. А может, просто увидел где-то математическую задачку и решил для развлечения найти ответ в уме.

У всех свои странности. Кто-то любит танцевать, кто-то — петь. Су Чжун любил считать.

Он обладал феноменальной чувствительностью к числам и был одержим ими. Стоило ему погрузиться в эту игру цифр в своей голове, он уже не мог остановиться.

Для обычного человека это было бы странно. Но Синь Цяньюй видел в этом не «странность», а «уникальность».

Он помнил их первое свидание. Су Чжун точно так же ушёл в себя. Синь Цяньюй что-то увлечённо рассказывал, но не получал никакого ответа. Будь на его месте кто-то другой, Синь Цяньюй бы обиделся и ушёл, но это был Су Чжун, и он лишь с тревогой подумал: «Неужели я такой скучный?»

Поборов неловкость, он осторожно спросил:

— Ты почему молчишь?..

— Я прикидываю дневную выручку этого кафе, — ответил Су Чжун.

— А? — опешил Синь Цяньюй. — В смысле?

— Мы сидим здесь полчаса, за это время расплатилось пятнадцать человек, — пояснил Су Чжун, глядя на стойку. — Если предположить, что все они брали стандартный бизнес-ланч, то это две тысячи двести пятьдесят юаней. Обеденное время здесь длится три часа, значит, эту сумму можно умножить на шесть, получим тринадцать с половиной тысяч. Согласно моим исследованиям ресторанного бизнеса, в центральном деловом районе обеды обычно составляют около тридцати процентов от дневной выручки... Хотя это не совсем точно, нужно учесть... например... — Су Чжун открыл на телефоне погоду. — Прогноз обещает сегодня вечером дождь, а это, скорее всего, повлияет на поток клиентов... Впрочем, на этот счёт я тоже когда-то строил модель...

Синь Цяньюй, полный профан в математике, почувствовал, как у него закружилась голова.

Су Чжун был немногословен, но когда речь заходила о вычислениях, его было не остановить. Впрочем, для Синь Цяньюя это «не остановить» было равносильно молчанию.

В тот момент ему было и смешно, и неловко, но в то же время он находил Су Чжуна невероятно милым.

Наверное, это и есть любовь, когда смотришь на человека сквозь розовые очки.

В глазах Синь Цяньюя Су Чжун был идеален во всём.

Попрощавшись с коллегами, Синь Цяньюй взял Су Чжуна под руку.

— О чём ты думал за ужином? Совсем молчал. — Он старался говорить мягко, чтобы это не прозвучало как упрёк.

— Анализировал сегодняшние сделки, — ответил Су Чжун.

— А, вот оно что... — с пониманием кивнул Синь Цяньюй, но в его глазах промелькнуло

разочарование.

Сегодня Су Чжун впервые представил его своим коллегам, но почти полчаса провёл в своих мыслях. К тому моменту, как он вернулся в реальность, атмосфера за столом уже была напряжённой, но он, казалось, ничего не заметил.

Синь Цяньюй вздохнул. Вообще-то он был вспыльчивым и, столкнувшись с таким, как Кевин, в другой ситуации, разнёс бы его в пух и прах. Но перед Су Чжуном он играл роль кроткого, милого и ранимого создания, и выходить из образа было нельзя.

Проглотить обиду тоже было выше его сил.

Поэтому он прибег к своей излюбленной тактике:

— Кажется, я не понравился этому Кевину?

— Ты мой парень, — ответил Су Чжун. — Зачем ему тебя любить?

Синь Цяньюй мысленно выругался.

Кевин, хоть и был «золотым воротничком» с годовой зарплатой в миллион, по сути оставался наёмным работником. Его чувство превосходства подпитывалось лишь теми, кто зарабатывал меньше. Возможно, он и не хотел так откровенно унижать Синь Цяньюй. Просто это был его способ самоутвердиться.

Хотя он и зарабатывал почти миллион в год, около четырёхсот тысяч уходило на ипотеку, не говоря уже о расходах на машину и поддержание имиджа. Люди его круга просто не могли появиться на публике без сшитого на заказ костюма или хорошего автомобиля. Деньги улетали так, словно он сжигал ритуальные купюры.

На людях он держался достойно, но перед начальством и клиентами лебезил, как собачонка.

А теперь появилась новая статья расходов — детский сад для ребёнка.

Раз уж он считал себя «элитой», то и образование у его сына должно было быть «элитарным». Он давно присмотрел самый престижный частный детский сад в городе. Плата за обучение там составляла двести тысяч в год, и это не считая бесчисленных дополнительных сборов.

Несмотря на это, высокооплачиваемые родители лезли из кожи вон, чтобы устроить туда своих детей, умоляя сад принять их сотни тысяч.

Но одних денег было мало. Родители должны были иметь высшее образование и престижную работу. В идеале мать должна была быть домохозяйкой, готовой участвовать во всех причудливых «семейных» мероприятиях садика.

Чтобы убедиться в «пригодности» родителей, на собеседование приглашали не только ребёнка, но и всю семью.

В назначенный день Кевин с женой и сыном прибыл в детский сад. Войдя в кабинет, он застыл на месте. За столом для собеседований сидел Синь Цяньюй.

Кевин окаменел, лицо его застыло неподвижной маской.

— Присаживайтесь, — с лёгкой улыбкой произнёс Синь Цяньюй, словно видел его впервые.

<http://bllate.org/book/13448/1197380>